

**ЛЕКСЕМЫ С КОРНЕМ -ЛЫС- И ИХ СИНОНИМЫ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИМВОЛА «ГОЛГОФА» В РОМАНЕ
М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Символ представляет собой семантико-семантическую модель, где означаемое (А) – вербализованный образ Голгофы. Означаемое символа (Б) – мифологически и метафизически переосмысленные символические значения перцептивного образа Голгофы. Значения ‘человек’ и ‘смерть’ имеют библейские корни и связаны с образом мертвого Адама. В иконографии Голгофа изображена и как могила, и как череп с костями (или даже весь скелет) у ног распятого Иисуса [Аверинцев 1980: 255; Пиотровский 1980: 35]. Значение ‘казнь’ следует из того, что Голгофа – место за стенами Иерусалима, где казнили преступников, Христа.

Исследовательская стратегия заключается в наложении такого явления художественного текста, как суггестия, на структуру символа ГОЛГОФА. Под суггестией в художественном тексте мы будем подразумевать энергию внушения вербализованного символа. Это авторское речевое воздействие на читателя (Е.В. Шелестюк), которое 1) вносится значимыми для культуры народа отдельными символами или символическими мотивами (А.Н. Веселовский); 2) возникает как энергия напряжения между означающим и означаемым при условии смысловой недостаточности одного из них (Ж. Делез); 3) выражена в языковых единицах, употребленных в прямом значении, но обозначающих нечто большее, инициируемое в виде смысловых приращений (обертонов) в пределах микро- или макроконтракста (Б.А. Ларин, Г.О. Винокур).

В «Мастере и Маргарите» возникает сразу два очага семантического напряжения: 1) между перцептивным образом Лысой горы и прилагательными – синонимами названия горы, характеризующими, однако, совсем другие денотаты и тем самым осуществляющие суггестию; 2) между авторскими репрезентантами означающего и означаемого, вербализованными в тексте. На основе суггестии выделяются двухкомпонентные модели семантического «покрывала» (сравнение Б.А. Ларина) символа Голгофа: ‘ГОЛГОФА, ЧЕРЕП’ → ‘ГОЛОВА’, ‘ГОЛГОФА’ → ‘СМЕРТЬ, КАЗНЬ, ВЕЧНОСТЬ’, ‘ГОЛГОФА’ → ‘ГОЛОВА, ЧЕРЕП’. Это значение актуализировано внутренней формой слова Голгофа, буквально «место черепа» от древнееврейского слова *гальголет* – ‘черепа’, либо, по Евангелию, ‘лобное место’ (Мф. 27:33). М.А. Булгаков нигде не называет гору Голгофой, а использует перевод – *Лысая гора* (13 раз) и *Лысый Череп* (2 раза), ассоциируя с головой Адама. С ним ассоциируются и детали Лысой горы: *человеческие кости, фиговое дерево* (Древо познания), *собачий череп* (в апокрифах собака сотворена вместе с Адамом).

Суггестия заключается в потенциальной способности слов с корнем -ЛЫС- породить устойчивую ассоциацию с Голгофой, реализуя модель

‘ГОЛГОФА’→‘ГОЛОВА’. По результатам поиска в «Национальном корпусе русского языка» (8 текстов М.А. Булгакова) слово *лысый* встречается 32 раза. Половина из них (17 раз) приходится на «Мастера и Маргариту», что говорит о значимости этой лексемы именно для данного романа. 12 словоформ называют Лысую гору, а остальные – героев романа, являющихся носителями этого признака: Соков, Берлиоз, Пилат, сосед Маргариты Николай Иванович, Воланд. В ранних редакциях – это Римский, Варенуха, один из гостей на балу Сатаны, критик на похоронах Берлиоза. Учтены и однокоренные слова – *лысина*, *лысеющий*, *облысевший*. Суггестия охватывает и синонимы слова *лысый* – *плешивый* и *жидкий*, характеризующие иностранца из Торгсина, Бенгальского и Левия Матвея. Интересен тот факт, что слова *лысина* (5 словоформ) и *плешивый* (2 словоформы) встречаются только в «Мастере и Маргарите», и только в этом романе слово *жидкий* характеризует шевелюру героя [НКРЯ].

‘ГОЛГОФА’→‘СМЕРТЬ, КАЗНЬ, ВЕЧНОСТЬ’. В контексте романа носителем означаемого являются указанные выше лексемы с корнем -ЛЫС- и их синонимы, а означаемое вербализовано для каждого героя по-разному, но его значение так или иначе реализует семантику смерти, наказания, потустороннего мира (вечности). Так, буфетчик Соков *умрет...через девять месяцев*. Лицо Николая Ивановича *свело в пяточок, а руки и ноги оказались с копытцами*. Бенгальский на время лишится головы, а Берлиоз – навсегда: его наказание – небытие (*Вы уходите в небытие*). Пилат наказан *бессмертием*: перед приговором Иешуа возникла мысль *о каком-то бессмертии*. Пилат просидел на каменистом плато в каменном кресле более 2000 лет. Интересно, что слова *провалы* и *кремни* одинаково характеризуют как Лысую гору, так и каменистое плато Пилата, указывая на то, что речь идет об одной и той же горе. Разломы, согласно Евангелию от Матфея, – свидетельство землетрясения, произошедшего в минуту смерти Христа: «И вот, завеса Храма разорвалась, сверху донизу надвое; и земля потряслась, и камни расселись» (Мф. 27:51).

Итак, именно акцентированное автором название Голгофы в романе (*Лысая гора*) является источником суггестии – возникновения устойчивой смысловой связи между символическими значениями ‘смерть, наказание, вечность’ и героями – носителями признака ‘лысый’.

Литература

Аверинцев С.С. Голгофа. Миф народов мира. Электронное издание. Издательство «Советская Энциклопедия», 1980. С. 255.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения^ 29.01.2024).

Пиотровский М.А. Адам. Миф народов мира. Электронное издание. Издательство «Советская Энциклопедия», 1980. С. 35.